

Максим Калинин

ОТДАВАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Калинин

Отдавая жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72631432

SelfPub; 2025

Аннотация

Хозяин дневника вас удивит, не спешите его закидывать гнилыми помидорами!

Знахарка сама оклемалась только через день и пришла поблагодарить, а тут мы втроём лежим посреди избы схватившись за руки и не дышим.

Когда я смог самостоятельно встать и сходить в туалет, бабушка с дедом ещё не пришли в себя, зато были живы и хоть плохонько, но здоровые. На себя в зеркало тяжело было смотреть, седина в волосах, лицо изрезали глубокие морщины, почти старик и это в 18 лет.

Содержание

Глава 1 Егоровка	4
Глава 1.1 Лес	12
Глава 1.2 Избушка	20
Глава 1.3 Жизнь хороша	26
Глава 1.4. Дед	33
Глава 2 Поезд	43
Глава 2.1 Мама	50
Глава 2.2 Магазин	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Максим Калинин

Отдавая жизнь

Глава 1 Егоровка

Копирайт (от англ. «copyright» – «право на копирование») – принадлежит Максиму Калинину.

Эта книжка является художественным произведением и не пропагандирует нетрадиционные отношения, смену пола и педофилию, отрицает употребление всех запрещённых сейчас и в будущем препаратов и осуждает алкоголь и табакко курение.

Поскольку персонажи и обстановка вымышлена, то и мир имеет другое времяисчисление, поэтому все герои при пересчёте на нашу систему являются совершеннолетними.

Лично автор осуждает всё противоречащее законам Российской Федерации и сам является поборником здорового образа жизни. Любое совпадение с живыми или умершими людьми, а также историческими событиями является случайным.

Всем приветтики-пистолетики от Сашулечки Богданова и мне всё фиолетово.

Знаменитым и творческим индивидуумам непременно стоит завести дневник.

– Где и от кого я это услышал, сейчас не помню, но мысль давно укоренилась в глубинах сознания, став для меня просто догмой.

Потому и написал в заглавии толстенной тетрадки – эту фразу, показавшуюся мне тогда гениальной, а потом долго обводил её разноцветными чернилами, поскольку больше ничего дельного в голову не приходило. Творческий запал иссяк на этом и немного утомил.

– А что, собственно говоря, писать то, вокруг болото однообразной жизни. На чём тут созреть выдающейся личности, с такой сложной душевной организацией?

Мамочка считает так же, а вот папа переживает, что с моим здоровьем меня в армию не возьмут. Странные, конечно, у него переживания, кто бы туда стремился и вообще она для глупцов, я-то себе цену знаю. Не для того я столько книг прочитал, чтобы меня потом заставляли строем ходить всякие там..., мне и одноклассников тупоголовых хватило. Ну не умею я бегать и что с того, у меня освобождение, зато я всех учителей могу за пояс заткнуть уточнениями.

– Школа закончилась, пусть родители рассылают мои документы по вузам, а я отдыхать.

Впереди последнее беззаботное лето, пока ещё не студент университета, но и уже не школьник, завтра я отправляюсь привычно проводить его на деревню к бабушке, поправлять

здоровье и устойчивость нервной системы, слегка расшатавшейся за зиму. Впервые предстоит осилить дорогу и отдых самостоятельно, без мамочки, у них с отцом какие-то сложности, в самый неподходящий момент образовались.

– Лето оно придумано специально для отдыха, какие могут быть заботы, а что до компании родителей, ну в принципе и не очень-то хотелось опять всё лето слушать их нравоучения.

День 1

– Здравствуй дорогой дневник.

На сегодня мои мучения закончились, и я вырвался из душного и вонючего вагона, с безостановочно что-то жующими пассажирами, их орущими отпрысками, грязным тамбуром-пепельницей и постоянно воняющим туалетом.

– Короче поменял всю эту дорожную романтику на жаркий перрон полустанка, но уже с ветерком.

Лето в этом году раннее, уже в мае начало не слабо так припекать и к началу июня прогрелось всё, что даже не должно было согреться или случалась такое, но к самому его концу.

Свежий воздух деревни, наполненный буйно расцветающей зеленью и слегка оттенённый нотками навоза вперемешку с вокзальным запахом креозота, жирных пирожков с мясом и ещё чего-то еле уловимого, но так хорошо знакомого с самого детства.

– Моя Егоровка! – губы непроизвольно расплзаются в

улыбке.

Для меня она всегда одинаковая, когда я приезжаю тут постоянно лето и даже бездомная собака лежит на одном и том же месте, игнорируя суету пассажиров и их встречающих.

Всегда радостные бабушка с дедушкой, вот они изменились, постарели.

Раньше от вагона и до машины я ехал на плечах дедушки, а бабушка торопливо пересказывала какие пироги напекла к моему приезду и что совсем скоро в саду поспеют первые ягоды. Уже второе лето дед сильно хромотает и себя то еле-еле несёт, а бабушка по большей части охает, но всё также обещает вкусно накормить.

Как всегда, меня неприятно обслюнявили и забрали чемодан с дорожной сумкой, а я и не сопротивлялся.

– Пусть себе радуются, это же к ним единственный внук приехал и у меня каникулы, а не у них.

Салон старого жигулёнка, аж первой модели и, разумеется, особой гордости деда, повторил душегубку поезда. Со скрипом опуская своё окно, уже начинал беситься в ожидании:

– Когда же наконец меня повезут и хоть немного начнёт обдывать?

Ругаясь на севший аккумулятор, дед раз за разом поворачивает ключ в замке зажигания, автомобиль, каждый раз отвечает недовольным взбрыкиванием и замолкает. Но надо знать настойчивость и терпение моих предков. Выцветший

ветеран автопрома СССР, затроил после долгого прокручивания стартером и разгазовавшись, как говорит дед, -«пропердевшись», всё-таки затарахтел.

Деревня Егоровка не маленькая, раскинулась вдоль реки и выглядит со стороны даже живописно и духоподъёмно, вот только для моего дневника ничего особо примечательного.

– Коровы медленно идут домой.

– Девочки играют в глупые резиночки.

– Пьяница валяется возле поленницы дров.

– Всё!

В принципе я и не ждал чего-то другого, вот только кому это будет интересно, раз меня самого всё раздражает?

– Может мне рисовать начать? – задумываюсь я.

– А что встану на холме с мольбертом, весь в пятнах масляной краски, а люди будут говорить это сам Богданов, наша знаменитость.

Так в раздумьях о будущей известности мы и добрались домой, почти на другой край деревни.

День 2

– Приветик дневничок.

– Как-то это глупо, каждый раз здороваться с обычной тетрадкой, вроде и не прощались, вон она лежит тут на столе, напоминает о себе, когда надо и не надо.

Записал себе напоминание, купить альбом и карандаши, твёрдо решил, что начну с набросков пейзажей, раз уж кроме природных красот в деревне не на что глаз положить.

Отправляя к бабушке, мама запретила мне даже приближаться к реке ещё две недели, пока вода не прогреется достаточно, хорошо хоть кепку глупую не заставила носить.

– Как доставало это постоянно слышать «Сашуля дорогой надень кепочку, а то голова болеть будет» – я даже сейчас, представляя это закатил глаза вверх, вспоминая своё раздражение.

Но я же теперь взрослый и могу сам решать, куда мне идти погулять и маминых запретов не слышно.

Река единственная достопримечательность Егоровки и прогулка в сторону берега, пожалуй, главное из возможных развлечений:

– Ну не коровам же мне тут хвосты крутить.

На этот второй день и произошёл мой самый главный конфуз, как мне тогда показалось. Ещё прошлым летом я везде ходил с мамой или бабушкой, а сегодня пользуясь своим, уже почти взрослым положением отправился самостоятельно.

До мостков, на которых обычно привязывают лодки, я так и не дошёл. Был совершенно бестактно остановлен какими-то грубиянами, глупыми и малообразованными аборигенами, не понимающими, что со мной так нельзя обращаться.

Прогулка не получилась, и я вернулся домой весь в слезах от обиды и болезненных ощущений всего туловища. Продемонстрировав старикам каковы нынче у них в Егоровке нравы, заперся у себя в комнате, назло всем отказавшись ужинать.

Бабушка захохла и стала причитать, ругая нерадивую школу и власти, допустившие всеобщее падение уровня воспитания, а дед вообще убежал кому-то жаловаться.

День 3

Привет дневник.

– Зачем я вообще приехал в эту деревню?

После вчерашнего..., левый глаз заплыл лиловым синяком и копчик очень сильно болит, меня пнули и не один раз, когда я им очень серьёзно сказал, чтобы они убирались, а потом и упал на задницу, это уже когда в глаз ударили кулаком и вывернули на изнанку мои карманы, а ещё – эти козлы, дебилы, недоноски они ржали, как обезьяны тупые и над кем, надо мной... человеком гораздо образованней и умнее их всех. Самое обидное, что с хулиганами стояла и звонко смеялась очень красивая девочка, в короткой юбке, которая при любом резком движении могла показать всё, что было под ней скрыто и до прилёта кулака в глаз я надеялся это увидеть.

– Да пошло оно всё лесом, буду дома сидеть и книжки читать, – решил я.

Бабушка наготовила пирогов, очень вкусных. Дедушка предлагал выпить с ним браги, чтобы успокоиться, я заодно обиделся на них и ушёл к себе в комнату.

Книжек было три и все очень хорошие, но жутко неинтересные, больше для пафоса взял, надеялся поразить окружающих своим неординарным выбором.

– Если не получится с картинами, что мне мешает начать сочинять умные книжки. Буду как Довлатов писать про свою жизнь и идиотов вокруг.

Просто лень было за альбомом идти в магазин, да и боязно стало нарваться опять на местных.

Глава 1.1 Лес

День 4

Дорогой дневник тут и впрямь нечем заняться.

– Скукота, пойду-ка я в лес надышусь фитонцидами и дурачья деревенского там точно нет, – твердо решил я.

Дойдя до окраины посёлка, немного устал, а уже через полчаса понял, что идея была откровенно плохая и повернул обратно, через час сорвал голос, вопя о помощи.

– Заблудился! Да почему всё так-то..., неужели как-то нельзя без проблем, даже природа против меня? – ругался я сквозь слёзы.

В голове сама по себе сформировалась и застряла единственная мысль:

– Вот умру, и они все крепко пожалеют, обязательно начнется расследование и деревенских дебилов в тюрьму посадят, за доведения меня до такого состояния, а та девочка всё поймёт, будет стоять возле свежей могилы, в своей короткой юбке и громче всех плакать!

Похоже слишком детальная проработка плана похорон задела меня за живое, и я на самом деле решил, что скоро умру.

Испугал сам себя не на шутку, от этого перестал рыдать и начал думать, как спастись. Определение сторон света в лесу не сложное дело, особенно в теории, но для того, чтобы этим воспользоваться необходимо знать, где конкретно

находиться Егоровка чётко на севере, юге или в других 358 вариантах из 360 возможных.

Уже обессиленный брёл, не разбирая дороги, продираясь сквозь густой подлесок к большущему дубу.

– Вдруг на него можно будет забраться и посмотреть куда идти дальше? – размышлял я, пока не дошёл.

Когда мои глаза почти упёрлись в могучий ствол лесного исполина, а голова начала задираться высоко вверх и сообщать чуть лучше, я понял, что вряд ли смогу на него взобраться.

Неожиданно мои ноги потеряли опору, и я с визгом ухнул в какую-то яму.

– Вроде цел и это охренеть какое везение! – ошибочно думал, ощупывая всё тело.

Всё заболело ещё сильнее, как будто меня опять побили хулиганы и в этот раз гораздо старательней.

– Господи боже, до отверстия из которого проникает свет метра три не меньше, как я туда доберусь? Они там вообще, о чём думают? Давно пора уже всем меня искать. Почему в лесу так тихо?

– А если это берлога? – пришла новая, шокирующая мысль.

Мне стало очень страшно и медведю ещё сложнее объяснить, что я возможно выдающийся человек.

Глаза понемногу освоились и очертания ямы стали проступать из темноты. Кажется, я сейчас под корнями того са-

мого высокого дерева. Пахнет грибами и очень темно, только кусочек неба где-то далеко наверху.

– Если бы я ходил на физкультуру и умел лазить по канатам, то цепляясь за корни дуба смог бы выбраться, наверное. Я не виноват, что имел пожизненное освобождение – злился я уже на маму, за то, что она запрещала мне заниматься спортом.

Левая рука не нашла опоры, и я махнул ей в воздухе, ощущая пустоту пространства слева от себя.

– А вдруг там выход? – подумал я, чуть приободрённый открытием.

Медленно, маленькими шажками, на ощупь, отправился исследовать пространство. Иду, а становиться только темнее, пока не упрусь в какую-то деревянную стенку.

– Это точно не корни дерева, растущего сверху. Тут явно, что-то сколоченное или составленное, в темноте не разобрать, – начал анализировать я.

– Можно выдрать доски и попробовать при их помощи взобраться наверх.

Не так всё просто, деревянная преграда большая и уходит далеко в землю. По крайней мере сколько я не шарил в темноте руками найти край на ощупь не получилось.

– Как пит дать, заноз насажал и если не успею умереть от голода, то заражение крови меня доконает, – мысленно начал представлять, как скоро поднимется температура, а потом наступит мучительная смерть.

Скудный завтрак давно испарился из живота, а ведь бабушка так старалась, накладывала и предлагала ещё чайку с пирогами, а я из вредности воротил от тарелки нос. Жажда, очень хочется пить, слюны почти не осталось. Сил было немного с самого начала, когда только отправлялся гулять, а сейчас они и вовсе готовились покинуть меня окончательно.

От всего этого, мысли постепенно путаются.

Накатившее отчаянье с паникой придали немного сил, и я принялся бить в стену плечом и доски проломились, тут скорее не я такой мощный, а древесина давно сгнила. Повалился вперёд, а сверху земля и остатки перегородки стали осыпаться.

– Походу сейчас меня засыпает живьём. Надо было от места провала не уходить, тут мне точно кранты, и никто не узнает, где могила Саша Богданова, – думал я.

Копошусь в попытках встать и подомной противно хрустит, если бы сломал себе что-то, то уже был от боли, значит крошится и хрустят остатки гнилых досок.

– Или нет?

– О нет, – это настоящий трупешник и его отвратительный череп прямо перед моими глазами, его кости сейчас так мерзко хрустят и ломаются, фу нахрен, какая гадость.

Сердце забилося ещё сильнее, рот непроизвольно выдал крик, переходящий в неприятный самому визг. Мозг отказался управлять моим телом, и оно просто начало барахтаться, дёргаясь всеми конечностями.

Заблудился и провалился в яму, как будто этого было мало?

– Мамочка дорогая забери меня отсюда, – мечтал я.

Мне кажется, что я терял сознание. По крайней мере сейчас очнулся, на истерику уже не было сил и от этого возникло безразличие и апатия ко всему происходящему. Противные ломающиеся кости всё так же подо мной, лежу в какой-то каше из остатков мертвеца, его лохмотий, трухлявой дровяхи и земли.

– Зашибись!

Кажется, это насекомые или грибы в земле и вокруг, в общем что-то люминесцирующее слабо подсвечивает яму. Иначе я тут нихера бы не рассмотрел. Стою на четвереньках отплёвываюсь, лихорадочно отгоняю мысль чем сейчас наполнен мой рот. Страшно представить, что попало внутрь, пока орал и барахтался. В очередной раз подкатил рвотный позыв, теперь в желудке точно ничего не осталось, даже желчи.

Всё-таки я встал и на подрагивающих ногах начал пятиться из могилы обратно к месту провала. Маленькое отверстие с кусочком неба немного обрадовало.

Глупые попытки отряхнуться и хоть как-то очистить лицо от сырой земли, остатков покойника, рвоты, соплей и слёз, кажутся бесполезными, только размазал по себе всё ровным слоем.

– Мамочка моя, я навсегда останусь в этой яме, буду ва-

ляться с этим трупакон, и стану таким же мёртвым и вонючим! – так начиналась моя новая истерика.

Где-то в недосыгаемом и невидимом самом верху, раздался треск, и земля вокруг пришла в движение, скорее всего двинулись корни того самого дерева. Лесной гигант падал, выворачивая корнями землю, меня как кошачью какашку, совочком из песочницы выкинули обратно на поверхность земли.

Сажу на траве и не знаю, уже радоваться или пока печалиться:

– Придётся опять спасать себя, а я уже мечтал потерять навсегда сознание и больше ничего не делать.

Не разбирая дороги и направления просто отправился вперёд, подальше от мерзкой могилы. Шёл как сомнамбула тяжело переставляя ноги и рыдая от обиды на весь мир или от счастья, что всё-таки выбрался на поверхность.

Сначала услышал поезд, а потом и уткнулся в насыпь с рельсами.

Находка меня озадачила:

– Ну и чего, куда идти будет правильно? – замер в нерешительности.

Повернул на лево просто по наитию и, судя по всему, на нервной почве затопал шустрее забормотав песню:

– По шпалам, опять по шпалам.

– Шагаю я вновь по привычке.

– Опять... чего-то сбежало или кто-то?

– Да похер, – забыл текст песни и принялся повторять один и тот же куплет по кругу.

Почему, когда очень устал и монотонно, что-то делаешь в голову, всегда лезут слова стихов, которые полностью не знаешь или старая песня и тоже не полностью.

Из прострации меня вывел резкий скрип тормозов милицейского уазика.

– Гражданин Богданов...? – послышалось из темноты.

Я медленно повернулся на человеческий голос, произносивший знакомую фамилию, и разглядел участкового Егоровки.

– Ох бя... – раздалось от машины.

Может мне показалось, но господин полицейский перекрестился и что-то зашептал про себя.

– А мне плевать, как я выгляжу, главное скорее везите домой. Я есть хочу.

Сажу на полу, уставившись остекляневшим взглядом на печную вьюшку, торчащую из трубы. Меня, как маленького моет бабушка в жестяном корыте, посреди бани. До сих пор в глазах покойник в светящейся слизи, зато я выжил, без воды, еды, а главное ингалятора, который потерял ещё в могиле.

День 6

Ну вот и здравствуйте.

Сразу 6-й, потому что весь 5-й день я был в прострации от

пережитого стресса, или ещё как, но в общем молчал, с жадностью ел, восстанавливая и навёрстывая сразу всё и спал. Вчера к моей постели приходил единственный медик Егоровки, фельдшер и по совместительству ветеринар, сказал:

– Парень определённо жив и относительно здоров ну с учётом того, что и раньше он у вас был, итак, не очень... Просто немного перенервничал и необходимо ещё чуть-чуть потерпеть.

Доктор посоветовал обильно питаться и выпить грамм сто или двести водочки. Кушал я и так как не в себя, а от выпивки наотрез отказался. Пришлось деду с врачом пить за моё здоровье.

Итак, дорогой дневник!

– Пошёл он в жопу этот грёбаный лес, там кроме комаров и ужаса ничего нет, а фитонциды их из деревни хорошо видно и слышно.

Теперь ещё поспать нормально не получается, всё время кошмары.

Сниться дуб, яма в лесу и череп того мертвяка, порой превращающийся в реального бородатого бомжа. Долго я на это смотреть не могу и стараюсь скорей проснуться, от омерзения или боюсь, что этот жмур начнёт говорить и мне придётся ему что-то отвечать. Бормотание дохлого бомжа я всё-таки расслышал, а ближе к утру 6-го дня и разобрал.

Из всего бреда удалось вычлениить, чёта про учение или знания заветные и ещё ему нужен какой-то наследник.

Глава 1.2 Избушка

День 7

Дорогой дневник я тебя определённо приветствую.

Настроение, неожиданно хорошее, летнее солнышко ярко светит, из кухни в мою комнату пробираются чарующие ароматы свежей выпечки, готовые мертвого поднять, а молодой, растущий организм уже выделил слюну и пищеварительный сок. Кроме внезапно возникшего зверского аппетита, моё сердце переполняет искренняя радость:

– Золотой человек моя бабушка Маша, да и деда Толя лучший во всём мире из всех известных мне дедов, я их всё-таки очень люблю.

Так и сказал им, а ещё обрадовал явно цветущим видом, полным отсутствием ссадин и бланша под глазом.

– Ого, быстренько Санька на тебе всё зажило, – поразился дед.

Пшённая каша с маслом и ватрушки с парным молоком, ой как вкусно то, ещё никогда в меня столько еды разом не входило. Позавтракал так, словно предполагал опять провалиться на целый день в какую-то задницу, аж дышалось тяжело, и я с трудом выбрался из-за стола.

Должно быть – это посттравматический синдром на мне так отыгрывается, теперь ещё долго буду ждать от жизни испытаний, пока всё не забудется, а сейчас молча жрем и пьем

всё что дают.

Пошёл во двор с мыслями обязательно завалиться на что-то мягкое и долго неподвижно лежать животом кверху, изображая из себя нильского крокодила и наслаждаясь ничегонеделаньем. Через 10 минут тяжесть от съеденного «слона» сменилась потребностью немедленно отправиться на прогулку, даже возможность новой встречи с деревенскими отморозками отступила далеко на задний план.

Переполняемый бурлящей изнутри энергией, побрёл обзрывать мир Егоровки радуясь и удивляясь любой мелочи, как будто не видел её до этого никогда. Головой то я понимал, что это не Рио де Жанейро, но чёрт побери, как же она замечательна и прекрасна даже в таком, слегка приморённом летней жарой, состоянии.

Нарезав пару кругов по пустынным улицам, добрался на самую окраину. Почти на отшибе села обнаружил настоящий местный раритет, старую деревянную избу. Сруб давно заброшенного жилища ушёл на половину в землю и выглядел, как единственный артефакт старины глубокой во всём поселении.

С видом умудрённого археолога принялся изучать, отчего он так выглядит:

– Наверно тут так дома не запускали или стройматериал попусту не разбазаривали. Делали новый дом или брёвна на дрова переводили, а тут такой интересный стоит на радость краеведам и вот таким жизнерадостным любителям истории,

как я сейчас – думал я.

Стою и битый час налюбоваться не могу на памятник из далёкого прошлого.

Меня окликнула незнакомая старуха:

– Чегось зенки вытарацил малахольный, пойдй прочь, место тут плохое – раздался из-за спины неприятный, скрипучий голос.

Я повернулся и напустив максимального уважения, спросил:

– Бабуленька милая, а почему плохое то?

Старушка, оторопела от такого дружественного подката, поначалу залепетала:

– Так колдун жил в этом месте, а потом, кто избу тутова не ставил все сгнули, даже траву тут не косят, а козь или коровка забредёт так и не телица год. Кузнец вон сруб сложил ещё при Хрущёве, так захворал неизлечимо, а дом в один год сгнил и в землю пошёл.

Потом на бабушку вновь напала суровость:

– Уйди, от селя, молод ещё жисть тратить, – закончила она вновь сердито и неприятным голосом.

Когда домой повернул, из меня всё моё утреннее любопытство куда-то выветрилось и обуреваемый мыслями:

– Что это сегодня со мной вообще было? – недоумевал я.

Экскурсия по давно знакомой деревне и любопытство какой-то гнилой избушкой. Прошло наверно часа три после супер-обильного завтрака, а я уже с нетерпением шлёпал до-

мой в предвкушении:

– Чего там баба Маша ещё сготовила?

Любой приезд сильно тощего внука, сопровождался битвой бабушки за мой аппетит, так что не надо отдельно объяснять, как удивлена и обрадована оказалась Мария Андреевна такому преображению любимого родственника.

Даже своему деду наказала с утра, чтоб дочке в город телеграмму отписал:

– Мол Сашенька наш намедни в лесу целый день проблудил, а как воротился кушает много и с аппетитом, а про участкового и всё остальное не надо. Чего Татьяне зря в городе нервы пытаться, у них там и так всё неладно, – говорила Мария Андреевна мужу.

Вот и сейчас мой обед начинался с винегрета, пока уплетал, бабушка анонсировала борщ и пюре с мясными котлетками. Наблюдая, как суетиться возле плиты заботливая прародительница, обратил внимание на непонятные странности. В моих глазах мелькнули и погасли огоньки света на её руках, как будто смотрел кино, где через каждый кадр идёт брак на плёнке. От страха на мгновение зажмурился, когда вновь начал рассматривать бабушку проблема никуда не делась. Присмотрелся внимательней – это не свет, а скорее светящиеся линии, причём разной интенсивности свечения и цвета от жёлтого до красного.

– Что с тобой Сашенька, – вывела меня бабушка из зависания.

Оказывается, я с дурацким видом сижу и забыв жевать, просто моргаю уставившись в одну точку. Потёр глаза и попробовал, как следует проморгаться.

– Фух, – с облегчением выдохнул я.

Наваждение прошло и восстановилось нормальное зрение. Дальше не разбирая вкуса, быстро съел всё выставленное передо мной и облобызав бабулю быстро слинял в свою комнату, пробурчав, что хочу почитать.

– Какой читать, после такого-то..., – думал я, чуть паникуя.

Встал перед зеркалом и начал себя рассматривать. Худоват и хиловат, конечно, для всего этого у меня всегда была личная отговорка, что бицепсы придуманы для дураков. Вот только и мои умозаключения всем до лампочки.

Сам не заметил, как улёгся на пол и попытался отжаться, один раз почти получилось, поприседал и сделал сгибание разгибание туловища на пресс. Раньше я бы и не попытался себя так истязать, считая физкультуру бесполезной тратой времени.

– А сейчас прямо захотелось.

Всё тело немедленно разболелось от невиданной до селей нагрузки. В зеркале заметил свечение, руки и лицо слабо светились и мерцали, как у бабушки. Разделся полностью, светящиеся линии проходили сквозь меня от макушки до са-

мых пяток, но не бледно розовые, а красные, гораздо ярче бабушкиных.

Моргал и тёр глаза пока наваждение опять не пропало.

– Что это галлюцинации или новые проблемы с сетчаткой глаз? Зачем мне ещё и эта запись в необъятную медицинскую карту, там, итак, аллергии, хронические заболевания и много чего ещё? – начал я переживать.

А мышцы то приятно тянет уже второй день, как будто физическая зависимость образовалась от этой боли. Фиг с ним с этим зрением, буду ещё приседать и, если получится отжиматься. До вечера я ещё несколько раз пытался спортивно активничать, доводя напряжение в мышцах до максимального болевого предела.

Глава 1.3 Жизнь хороша

День 8

Дорогой дневник,

– Чтоб я так спал всегда!

Это была шикарнейшая ночь, никаких грязных, оборванных и мёртвых бомжей мне не снилось, а очень даже наоборот, приснилась моя школьная соседка по парте Лена Лычагина в раритетной форме с белыми фартуком, манжетами и бантиками, в общем со всякими девчачьими штучками. Ей было очень интересно со мной, а я ей что-то увлечённо рассказывал или читал. К сожалению, проснулся в самый не подходящий момент, когда мы собирались поцеловаться.

Наверно только она и была тем человеком, ради которого я каждое утро приходил в школу глупо надеясь, что она сама поймёт мои чувства и разглядит во мне что-то интересное.

– Может попробовать опять сочинять стихи, ведь были попытки и маме они нравились...кажется...? – впервые задумался, о непредвзятости материнской оценки.

Сегодня из зеркала на меня смотрел незримо поменявшийся Александр Богданов, будущий студент. С моим то аттестатом и переживать не стоит, что зачислят в институт.

– Похоже я немного поправился и под кожей, что-то еле заметное напрягается и мне, – это определённо нравится.

На кухне появился в особо приподнятом расположении

духа.

Ем завтрак и нахваливаю, под удивлённые взгляды деда и бабушки. Никаких ковыряний в тарелке и занудных стенаний, что я буду или не буду. Проглатываю пищу не разбирая, можно всё свалить в кучу и перемешать, съем и запью.

– Я вас люблю, дедуль дай пять, бабушка ты у меня супер. Всем Чао-какао, я на речку, – бодро сказал я, почему-то моя любимая фраза на псевдо итальянском, сейчас немного покоробила самого.

Странное дело, пока шёл в сторону деревенского пляжа, набитый до барабанного состояния живот подевал куда-то все проглоченные калории и к берегу я подходил уже в предвкушение купаться до одури.

Меня даже не смущало и то, что я этого никогда в жизни не делал.

Раньше мы с мамой просто сидели на берегу устраивая пикник на свежем воздухе для поднятия аппетита, и мне за глаза хватало намочить ноги по щиколотку, а уж купаться, – это окунуться по горлышко, приседая в воде и случалось такое только в самую невыносимо жуткую жару.

Для того чтобы по-настоящему купаться, мне предстояло сначала научиться плавать. Сходу пошёл на дно топором, зато как смело забегал в воду, поднимая фонтан брызг и уверенно нырял. До этой секунды я думал, что умение плавать образуется как-то само по себе, у всякого взрослого человека.

– Раз умеешь ходить, от чего же не поплыть? – оказалось, заблуждался.

Потом барахтался всеми конечностями, как жук, свалившийся в воду, и всё-таки выгреб на берег.

Я выбрался на пляж и лёг на спину:

– Это и есть оно, настоящее счастье, – вот так лежать на траве, вымотанный и уставший, коряво проплывший первые в своей жизни метры воды, – думал, как сегодня вечером запишу в дневник пережитые мной настоящие чувства.

Мою Нирвану разрушил звонкий смех, и я перевернулся на живот, чтобы рассмотреть веселящихся. Это оказались три девочки, может мои ровесницы, а может фиг его знает, что ещё может, их деревенских не разберёшь. Смеялась опять та самая в короткой юбочке, которую я видел с хулиганами, сейчас все трое были в купальниках и, судя по всему, развеселил их я и мои фееричные заплывы.

Недавнее прекрасное настроение вновь рухнуло глубоко в бездну и я, не успев, как следует обсохнуть, собрался домой.

День 9

Привет.

Сегодня мой недуг, связанный с дефектом зрения исчез, сам собой прошёл, когда я пытался им рассматривать бабушку.

– Одной проблемой меньше, – подумал я, не испытав особого облегчения.

Решено было взяться плотней за теорию плавания, что-

бы совместить её в последствии с практикой, заодно укрепив остальные мышцы гимнастикой. Повторений при выполнении элементарных упражнений мне удавалось сделать гораздо больше, и я наверняка теперь смог бы сдать школьное физо на хорошо, а если так и дальше пойдёт то, чем чёрт не шутит на пятёрку.

– Вот бы сейчас выйти перед всем классом, на уроке физкультуры и показать им, чтоб челюсти у всех отвисли, – мечтательно представлял я.

Хождение на реку теперь ритуал, который случается дважды в день.

Плавал, лежал на песке восстанавливая силы и снова в воду, не обращая внимание на девочек хохотушек.

Утро начинается с зарядки, завтрак, плаванье, обед, плаванье, подъём всяких тяжестей, ужин, спортивные упражнения, короткое общение с дневником и сон, в котором Лена Лычагина и девочка в короткой юбке между собой страстно выясняют, кто мне больше нравится.

Три дня упорных повторений техники плаванья за тренирами из «Ютуба» и временных потоплений, я всё-таки поплыл.

День 12

Здравствуй дневник

Начиная от изменившегося поведения с занудно хандрящего до жизнерадостного, заканчивая не свойственной тягой к физической нагрузке. Я незаметно для самого себя менял-

ся внешне и внутренне.

– Обязательно научусь делать это красиво, как настоящие пловцы. У меня для этого целая река и всё лето – сказал я, сам себе с полной уверенностью, что не отступлюсь.

Видимость красных линий снова вернулась и почему-то совсем не расстроила. Оказывается, их можно вызывать преднамеренно, немного по-особому напрягая зрение. Так что вроде, как научился с ними управляться и можно считать это не новой болезнью, а так просто непонятной особенностью, временными трудностями с которыми можно жить и не обязательно сообщать своему терапевту.

День 14

Вот дорогой дневник, ты и не думал, что сам Богданов может такое отчудить.

Сегодня по дороге на речку я встретил одного из тех гопников, которые побили меня и свершилось до сели невозможное, моя рука собралась в кулак и залепила обидчику точно в ухо. Но не это меня обескуражило, а то, что совершил я это без раздумий и не терзаясь сомнениями. Хулиган тоже от меня такой подлости не ждал, скорее сам собирался для начала, что-то сказать, а потом сделать, судя по наглой ухмылке, которую я стёр своей собственной рукой.

Только он рот раскрыл, бац и в траве головой трясёт, а я иду дальше насвистывая, даже пульс не колыхнулся.

Дома бабушка Маша хлопотала у плиты, стараясь, как всегда, удивить нас с дедом.

Насколько я помню, дед всегда молча кушал и уходил к телевизору читать газету, а я кривил морду лица ковыряясь в еде, как бы делая одолжение своим присутствием за столом и выискивая на тарелке следы варёного лука, как повод отказать есть. Это должно быть тяжело и обидно, вот так всю жизнь в пустоту стараться, не ожидая признания.

В груди что-то кольнуло от стыда, за всю мужскую часть семьи.

Подошёл тихонько сзади и обнял бабулю, похоже даже напугал. Надо с ней обязательно поговорить, а то, чего она тут всё заботиться о нас неблагодарных, а мы оба хороши, даже спасибо не в состоянии промямлить.

– Как у тебя дела бабушка? – спросил я.

Бабуля расчувствовалась и принялась сразу жаловаться на деда, накатившего самогонки уже с утра и тесто, которое всё не поднимается и полосатого аспида жука колорадского, чтоб ему наша картошка поперёк горла встала.

Устроился напротив, переведя поступающую звуковую информацию в фоновый режим, а сам взялся изучать разницу свечения полос на моих и её руках. Потом чисто интуитивно принялся разглаживать чёрные узелки, как бы смахивая их с кисти бабушкиной руки. Узелки исчезли, а полосы засветились чуть ярче.

Бабулин словесный поток постепенно затих, переходя в удивлённый шёпот:

– Сашенька, внучек, руки который день болели, артрит,

чтоб ему пусто было. Всё прошло, ты что ли сделал? – говорила бабушка, рассматривая свои руки словно чужие.

Пожал плечами, не понимаю ещё сделал ли, или оно само, да и как надолго. Может оно просто от массажа перестало болеть? Чёрных узелков на руках вроде не видно, интересно, а что это за узелки такие и можно их вообще убирать? Пока одни вопросы и гипотезы.

– Вот что бабуль, ты лучше об этом не говори никому, а то потом не отмоемся. Языки то в деревне сама знаешь какие, как что плохо приключиться долго смаковать будут. Надо попробовать ещё, что-то полечить.

Если бабушкино волнение мне удалось хоть как-то купировать, то сам я полночи рассматривал свои руки и думал на чём ещё можно проверить неожиданно открывшиеся способности.

Глава 1.4. Дед

Потренироваться я решил на кошках.

Деревенские кошки не то, что городские, подходить по доброй воле никто не хотел, даже за колбасу, а ещё они нереально проворны и быстры. В общем вечером я сначала мазал многочисленные царапушки на руках зелёнкой, а потом тренировался с лечением на себе и у меня вроде как получилось. Ничего не загноилось и не распухло, как обычно бывает после кошачьих когтей.

Укладываясь спать, я твёрдо решил, что пора переходить к решительным действиям.

На следующий день, вступив в сговор с бабушкой, мы всё-таки осмелились провести испытания на дедушкином колене. Пациента решили в известность не ставить, дед имел обыкновение от любого лечения истово отнекиваться.

План был такой, когда он после ужина заснёт в кресле, мы проведём сеанс терапии, а потом будем наблюдать за его поведением в естественной среде обитания. Кстати, очень хорошо для чистоты эксперимента, а то бабушка, как человек заинтересованный может просто и подыграла мне.

В ожидании важного события я решил посвятить день подготовке, отправился в огород, тут у меня появился турник и вообще небольшой спорт уголок, дед с особым энтузиазмом принялся устраивать спортивные снаряды из всего,

что попадалось под руку, а он у нас мужик изобретательный и рукастый.

Уже неделю я усиленно ем и занимаюсь физкультурой, вот такой золотой внучок приехал, для бабушки благодарный и безотказный едок, а дед не зря хранил столько барахла в сарайке и нашёл себе применение. Постепенно отвоёвывая у супруги и колорадского жука, картофельные плантации, для спортзала любимого внука.

– Ещё месяцок такого деревенского санатория и сам себя точно не узнаю. Вот родители то удивятся! – думал я, каждый раз отмечая в зеркале изменения.

Даже порадовался, что мама не приезжает, как обычно навещать меня и своих родителей, этим летом.

Бабуля, приободрённая лёгкостью здоровых рук, которую она с выхода на пенсию не испытывала, кормила нас шикарным бигусом и не переставая делилась абсолютно ненужными новостями.

Наступило время операции под кодовым названием «Колено».

Дед отвалился из-за стола первым, мы по-заговорщицки притихли за чаепитием. Усиленно создавали умиротворяющую атмосферу вечернего застолья, способствующую скорейшему засыпанию деда, а он, как назло, стал интересоваться моими успехами в спорте и чего для меня ещё надобно смастерить во дворе.

Ничего дельного придумать я не смог, поскольку всегда

был далёк от этого всего спортивного:

– Вот разве что боксёрскую грушу можно, – неуверенно сказал я.

Пока растекался мыслями о пользе боевых искусств в формировании настоящего мужчины, от кресла у телевизора раздался богатырский храп.

Нарисовалась первая проблема, штаны деда, не очень широкие, чтобы можно было спокойно закатать их выше колена, а я ещё не знаю точно получится или нет лечить через ткань.

Бабуля бесцеремонно стянула с него штаны, а он и ухом не повёл:

– Чего ты Санька переживаешь, нашего деда сейчас и пушкой не подымеешь, – сказала бабушка.

Оба колена Анатолия Сергеевича представляли собой скопище чёрных узелков, после них даже полосы проходили вниз к ступням еле розовыми, а порой даже жёлтыми. Мария Андреевна притихла в стороне еле дыша, на нервах комкая дедовы штаны. Думаю, что я и сам вспотел, во всяком случае от напряжения меня холодный пот прошиб, пока я старательно смахивал и разглаживал многочисленные чёрные узелки. Но время шло и жёлтые полосы постепенно становились розовыми, а розовые потом краснели, пока дед продолжал храпеть. Кажется, что провозился час, не меньше. Даже не стал братья за руки, шею и голову, там только взглядом окинул, наметив фронт работы на будущее. Опять же если

то, что я делаю приносит хоть какую-то пользу.

Для сокрытия следов наших экспериментов бабуля опять натянула штаны на деда, а потом бесцеремонно растолкала и отправила в спальню на кровать перебираться:

– Нечего опять у телевизора ночевать, иди давай старый, – сказала бабуля, по-заговорщицки мне подмигивая.

Она сейчас единственная, кто на все 100 процентов верил в положительный исход лечения, в отличии от меня самого, а я не на шутку перевозбуждённый произошедшим, долго не мог успокоиться, ещё же предстояло дожидаться каких ни будь видимых результатов.

Перед сном обдумывая всё я уже понял, что всплывающие полосы точно не дефект зрения и не галлюцинация, вызванная произвольным потреблением грибов, так надолго меня не должно было вштырить, даже если я тех светящихся в лесной яме наелся, не хочется вспоминать, что это точно было.

Вот стою в очередной раз рассматриваю себя в зеркало и стряхиваю, или вытираю узелки или выпрямляю сами полосы. Ещё бы кто рассказал, что всё это значит и как правильно всем этим пользоваться. В книгах всегда был сенсей, которой учит и шлифует талант юного падавана.

День 15

Дорогой дневник, похоже на то, что я всё-таки, необычный человек, а может и выдающийся.

Наш дед носится с утра, как ошпаренный и заряженный

неуемной энергией, принёс от какого-то своего хорошего знакомого боксёрскую грушу и перчатки. Договорился ещё, что этот знакомый обязательно придёт мне показать приёмы, как только выпьет всю оплату. Мы с бабушкой заговорщицки лыбимся, киваем и многозначительно переглядываемся.

Дед пристроил новый спортивный снаряд, полюбовался на плоды своих трудов, выпил стограммик и пошёл окучивать картошку.

Весь оставшийся день я покарял рекорды своих физических возможностей, выматываясь до крайней степени мышечных возможностей, отдыхал и снова начинал заниматься спортом. От усталости не смог даже задуматься и успеть в себе посомневаться, как мои глаза закрылись при встрече с подушкой.

Опять приснилась Лена Лычагина и на этот раз мы зашли гораздо дальше..., и я сильно пожалел, что школьное время ушло без развратно.

– Умнеть надо было раньше Богданов...!

День 16

Дневник здравствуй.

Девочки на деревенском пляже давно перестали хихикать, а после моего фееричного заплыва кролем через всю реку и обратно, та самая звонкая хохотушка подошла ко мне и представилась:

– Вика, – сказала она, при этом явно старалась продемонстрировать всё чем одарила её природа. Бикини, итак не

оставлял места фантазии.

Я, к своему удивлению, смог заговорить с девочкой, представился и почти не срывающимся голосом сообщил, что она красивая.

– Ага, так чё..., я на Демьяна-Бедного живу в 5-м доме. Пойдем на танцы, приходи в 9 за мной, – сказала девочка и круто развернувшись убежала к своим подружкам.

Кажется, совсем недавно такое развитие событий было самым желанным на свете, вот только интонация и общий вайб деревенской красавицы меня слегка остудил.

– У меня и одежды нет для танцев и вообще, в чём туда принято идти, множество других неизвестных переменных для человека никогда не бывавшем на подобных мероприятиях, – задумался я, всё больше не желая сегодня там оказаться.

Вечером нарядившись в единственные джинсы, кроссовки и белую футболку, короче все то же самое, как и в любой другой день я отправился искать улицу пролетарского поэта с домом номер 5.

Фасад нужного мне дома оказался спрятан густо разросшейся сиренью, имелся и небольшой палисадник, а на лавочке перед палисадником сидел тот самый, ударенный мной в ухо хулиган, на его коленях уютно устроилась Вика, всё в той же сильно короткой юбке. При моём приближении девочка шустро вскочила на ноги продемонстрировав всей улице белые трусики в красный горошек.

– Вот Гвоздь – это теперь мой парень, – сказала она, тыча в меня пальцем.

Давешний хулиган тоже встал и молча следил за мной.

Я приблизился, до неприличия очень внимательно рассматривая деревенскую красавицу, облапав взглядом каждый изгиб тела, потом посмотрел в глаза Гвоздю и зарядил ему в солнышко. Хулиган сложился обратно на лавочку и засипел, стараясь вдохнуть выбитый оттуда воздух. Через несколько минут, он худа бедно, смог оклематься и опять встал, но сейчас выказывая полнейшую покорность.

Я продолжал немую сцену.

Гвоздь, тоже не проронив и слова принялся выкладывать всё из своих карманов на лавочку: смятая купюра, мелочь, складной нож и презерватив с чуть надорванной упаковкой.

Общую тишину нарушил звонкий смех Вики, по поводу порванного гондона.

Я сгрёб все деньги, сунул их в карман джинс и резко развернувшись зашагал домой, так и не произнеся ни одного слова.

– Эй, Саша ты куда, я тебе это ещё припомню, – кричала мне в след брошенная Вика.

Но мне на неё было уже наплевать, ей далеко до Лычагиной.

День 30

Уважаемый дневник, у меня всё меньше времени записывать свои мысли.

Прошу лишь принять тот факт, что Александр Богданов определённо уже не тот инфантильный придурок, который ещё месяц назад изводил окружающих своими истериками.

– Господи, большего мудака просто сложно представить и терпеть все мои закидоны? – мысленно пожалел своих родителей.

С тех пор, как к нам в гости зашёл Игорь Тимофеевич, чтобы выпросить у деда ещё бутылку за боксёрский инвентарь, мои занятия спортом стали более осмысленными и интенсивными.

Всё потому, что бывший тренер слишком долго пожимал мою руку, а мне было крайне неприятно ощущать его перегар и рассматривать жуткие узоры его линий. Случившееся дальше происходило чисто интуитивно, я впустил свои красные линии ему в руку, мысленно передавая всю гамму чувств и моё отвращение к запаху алкоголя.

Уже неделю Игорь Тимофеевич гоняет меня на кроссы вдоль берега реки и поясняет, как разворачивается плечо, локоть и кисть при джебе и чем он отличается от кросса и хука. При помощи тренера, нам с дедом удалось наделать ещё тренажёров, развивающих ловкость и точность, почти не оставив колорадскому жуку места и шансов на сытую жизнь с размножением.

Кстати, дедушка тоже перестал употреблять алкоголь, и мы с бабушкой не стали сообщать ему почему. Во всяком случае она убеждает меня, что это я их обоих закодировал,

а я просто повторил и отработал на нем случайный опыт, полученный с тренером.

– Ой Сашка смотрю на старого и не нарадуюсь, ведь столько крови попил аспид со своей бражкой, – повторяет Мария Андреевна, когда видит, как дед копошится в огороде.

Мимо нашего дома ежевечерне, с постоянством почётного караула, прогуливается Вика с подружками, все очень сильно накрашены и всегда громко смеются. Дед молча за этим наблюдает, но слава богу ничего мне не говорит.

Каждый раз выходя из воды на берег обнаруживал всю трицу девиц возле своего полотенца, в эти мгновения они затыкались и начинали с видом дойной коровы, беззастенчиво пялиться на кубики моего пресса и косые мышцы живота, уходящие в плавки. От этих взглядов мне самому становилось не ловко, и я старался дольше необходимого на пляже не задерживаться, сваливал начисто забыв про загорания.

Кроме необъяснимого аппетита и постоянной тяге к спорту, у меня периодически просыпалось желание прогуляться по странным местам Егоровки и окрестностям.

Один раз просидел несколько часов на «Ведьмином камне» – это каменная гора, выступающая над рекой. Многокилометровые пробежки по лесу часто заканчивались у того самого поваленного дуба. Лежал на нём полчаса с закрытыми глазами, а потом опять кросс по пересечённой местности, проверяя пределы возможности собственного тела.

Мне удалось полностью очистить организм моих стариков

от чёрных узелков и вроде бы заставить их «Линии жизни» светиться чуть ярче. Неожиданно открыл для себя, что больше не могу ничего сделать, как будто села батарейка и мой дар совсем угас.

Совсем недавно я бы порадовался, вновь стать нормальным, а сейчас ощутил утрату новой и, пожалуй, лучшей части себя. Настроение погасло вместе с аппетитом. Пока не заметил на следующий день, что опять вижу на бабушке легкое мерцание красных линий.

– Ну значит просто перезарядка, будем накапливать, – подумал я, уже гораздо повеселевши.

Скоро возвращаться к родителям в Екатеринбург, впереди их лечение. Надо будет ещё одежды прикупить, а то вырос сразу из всего, в чём осенью в институт идти не представляю? Сейчас то пришлось Марие Андреевне по деревне побегать в поисках для меня штанов и всякого другого Секонд-хенда. Приехавшие со мной вещи за лето стали малы и бесполезны. Голова постепенно пухла от количества задач.

– И как родители с этим всем управлялись, а я им при этом умудрялся препятствовать, – подумал я.

В городских торговых центрах есть всё и на любой вкус, но на это нужны деньги, а их в семье не так чтобы много, потому то я каждое лето проводил в Егоровке вместо Анталии.

Глава 2 Поезд

День 45

Опять купе поезда, в этот раз с кондиционером и приличными на первый взгляд соседями. По крайней мере от них не фонит самогоном и луком. Новые попутчики моё приветливое и приподнятое душевное расположение не оценили и несколько минут косо посматривают на мой собранный по деревенской моде гардероб.

Сразу получил строгое предупреждение от женщины:

– Чтоб никаких сигарет, – сказала дама, присоединив к этому суровый взгляд, не терпящий возражений.

С перрона вслед отправляющемуся поезду старательно махали мои старики.

Слёзы немного помолодевшей бабушки и крепкое рукопожатие деда, наставление тренера Игоря Тимофеевича, обязательно найти его товарища и продолжить заниматься. Несколько раз побитые и притихшие деревенские хулиганы. Всё осталось там, на полустанке Егоровки вместе с последним беззаботным летом.

– Скоро наступит время настоящих проблем и у меня обязательно появятся хорошие друзья и может даже девушка, – думал я, уже начиная потихоньку ностальгировать.

Попутчики семейство: папа, мама и дочка подросток с болезненно бледным лицом. Наверно полтора месяца назад я

выглядел не лучше, когда отправлялся в Егоровку на каникулы.

Для того, чтобы спрятать глаза и хоть как-то поднять свой пошатнувшийся статус, извлёк книжку «Компромисс», глубокоуважаемого всей интеллигенцией диссидента Сергея Довлатова, ну так и я туда же.

Полностью сосредоточиться на тексте мешало любопытство, украдкой продолжал с верхней полки изучать интересное семейство. Тем временем внизу разворачивалось таинство дорожного обеда. Остывшая курица в фольге, варёная картошка с зеленью и горячий чай в подстаканниках, позвякивающих ложками.

Заботливая мамаша устраивает на подушках своё апатичное к еде и всему миру чадо:

– Заинька, солнышко наше смотри как вкусно, тебе обязательно нужно есть, силы надо откуда-то брать.

Подросток, вяло и с великой неохотой взялся пожевать куриное крылышко. Мне вдруг стало очень неприятно, вспомнил себя, вот также, совсем недавно и меня уговаривала мама, а я раздражался и корчил из себя пуп земли. Решил углубиться в суть очередного компромисса, на который толкал жизненный путь писателя. Внизу поднялась какая-то несвойственная принятию пищи суета.

Женщина нервно торопила мужа:

– Там в синей сумке должен быть ещё ингалятор, Витя да скорее же, – кричала мечущаяся в панике дама.

Я заложил книжку, чтобы не пропустить что-то явно интересное в жизни неприятной мне компании. Внизу всё оказалось не так весело.

Ставшая ещё бледнее девочка хрипела, силясь вдохнуть.

Отец семейства, выворачивал сумку уже просто на пол и, кажется, тихо подвывал от своего бессилия справиться с поиском.

Я пристальней посмотрел на подростка, она лежала одна, уже синевя и закатывая глаза, а оба родителя нервно копошились в своих вещах, бесцеремонно вытряхивая их ровным слоем по всему купе.

Незаметно для них скользнул прямо к задыхающейся девочке, да моё натренированное за лето тело теперь позволяет и не такие гимнастические этюды вытворять.

Горло и грудная клетка просто чёрные от скопления узлов, еле заметны бледно жёлтые линии. Физически ощутил, как нагрелись мои руки по локоть, разглаживая невидимые окружающим линии и цепляя знакомые чёрные узелки и откидывая их в сторону.

– Че-то я к такому не готов, даже у деда на коленях столько не было, – подумал я, продолжая активно двигать руками.

Моя температура росла, а я боялся остановиться, ещё боялся, что сердобольные родители бросятся на защиту своего ребёнка, неправильно оценив ситуацию.

Девочка сделала вдох, но я продолжал разглаживать красные линии.

Через полчаса в купе наступила полная тишина, нарушаемая ровными и глубокими вдохами подростка и стуком вагонных колёс. На второй нижней полке, заваленные тряпками из вывернутых на изнанку сумок, смиренно сидели ошалевшие родители, с открытыми ртами. Должно быть боялись спугнуть, что-то непонятное и не объяснимое происходившее прямо на их глазах, забыв про поиск запасного ингалятора.

Ещё через минуту я решил, что вроде бы уже всё, с шаманством пора закругляться. Узелков больше нет, а светящиеся полосы или, как я их для себя называл «Линии жизни» вполне себе красного цвета и ровные. Весь пациент имеет розово-цветущий вид и даже улыбочливое настроение.

Повернулся к застывшим родителям:

– Всё можете прибираться, – сказал я, как можно наиболее буднично.

Скользнул к себе на верхотуру, чтобы уставиться в книгу, как будто сейчас ничего особенного не случилось.

На самом деле внутри меня всё бурлило от мысли:

– Я спас жизнь человека! Это вам не артриты разглаживать...! – думал я.

Усилием воли задавил в себе нахлынувшую бурю эмоций, по крайней мере пытался сделать все внешние проявления и переживания, как можно незаметней.

Старый я, сейчас бы малодушно заставил всех собой восхищаться, а кто был бы не в курсе, так обязательно бы узнал

о свершённом чуде.

– Господи боже, до чего же я противный был человечешка, – опять я занялся самоедством.

Родители девочки, отмерев кинулись теревить своё ненаглядное чадо, тормоша и заливая слезами радости. Подросток тоже издавал какие-то звуки, силясь объяснить, что с ней уже всё хорошо.

Затем возле моей полки появились сразу обе счастливые головы родителей:

– Здравствуйте мы Кузьмины, – представилась женщина.

Я тоже поздоровался и удивился:

– Добрый день.

– Мы с вами вроде недавно уже здоровались? – напомнил я.

Нисколько не смутившись, глава семьи Кузьминых продолжила:

– Разрешите представиться меня зовут Тамара Ивановна, можно просто Тамара, мой муж Виктор, – это наша доченька Зоя, у неё хроническая бронхиальная астма с рождения.

– Спасибо вам большое, скажите непременно, что мы должны за помощь? Умоляю не скромничайте, вы спасли нам жизнь, кажется, ингалятор запасной не взяли, обязательно купим на станции. Ради бога, скажите сколько стоит ваше лечение? – повторяла женщина.

Мне удалось на минуту перебить их взволнованный душевный порыв:

– Меня Саша зовут, и я ей не за деньги помог, а просто потому, что у меня это сейчас получилось, с ингалятором можете не торопиться, мне почему-то кажется, что вашей Зое он больше не нужен. Во всяком случае сходите через месяц к врачу, он вам точнее скажет. Единственно о чём я бы хотел вас попросить не говорить никому про меня. Если, конечно, вы на самом деле хотите отплатить и искренне желаете добра, – сказал я, глядя прямо в глаза Тамаре Ивановне.

Женщина набрала в рот воздуха, наверно для выражения возмущения моим взглядом на суть вещей и неправильным отношением.

Её молча остановил муж, чуть придержав за локоть:

– Как пожелаете! Но вы не представляете Саша, до чего много людей нуждается сейчас в помощи и, если им можно хоть как-то помочь... – сказал погрустневший Виктор.

Пришлось остановить в принципе правильную речь, уже отца семейства:

– Так, господа многоуважаемые родители, я только что разрядился полностью, теперь как минимум полгода накапливать, а у меня свои есть родные и близкие и их надо тоже лечить, – сказал я, с твёрдостью в голосе.

Вообще-то ещё точно не известно сколько и как можно лечить, но мне не хотелось целыми днями сидеть в кабинете и принимать больных, не моё это и чисто физически не могу помочь всем, это я уже точно знал.

Взять на себя ответственность за жизнь другого человека

и решать кому жить, а кому умирать тоже не желаю.

Всегда рядом с лечением больного стоят его близкие, которые видят именно во враче корень всего, и быть потом обвинённым в чём угодно родственниками, не спасённого или неправильно вылеченного. Да мало ли, что там может стать-ся.

Особенно напугала, ярко представленная картина, с нескончаемой очередью из людей кому может помочь только чудо, они терпеливо ждут и искренне верят, а вторая очередь из важных и влиятельных потому, что их обязаны подлечить.

– Стоять и выбирать кого спасать?

А потом на первом же разрядился и всё, – извините.

Думаю, что правильно сделал, решив скрывать свои способности. Ещё не известно, чем моему здоровью всё это обернётся.

Постепенно выкладывая все железные доводы, в пользу сохранения полной конфиденциальности, Кузьмины при-тихли и окончательно согласились.

Зоя единственный человек, не отставший от меня и про-болтавший со мной всю дорогу, так и не дала дочитать До-влатова. В свои 11 лет даже кокетничать принималась. А её родители не переставали молча радоваться и смотреть на меня с немым обожанием, от чего становилось особенно не ловко.

Глава 2.1 Мама

Тепло, распрощавшись с семейством Кузьминых на вокзале Екатеринбурга, я резво скрылся в толпе встречающих.

Странно, что всегда шепетильная в вопросах заботы о сыне, мама на этот раз опаздывала. Вот и сейчас зазвонил телефон и взволнованный мамин голос извинялся, что автобус застрял в пробке и она будет, вот буквально через 10 или 15 минут:

– Ты только никуда не ходи, сыночка, стой возле центрального табло и не с кем не разговаривай – очень взволнованно говорила мама.

Перспектива торчать на вокзале родного города не прельщала, тут и без меня народу приезжего хватало и вообще... еле уговорил маму успокоиться:

– Всё уже иду на остановку, дома буду раньше тебя, давай мам скоро увидимся.

Сейчас наверно она думает, что не со мной разговаривала. Простой я уже бы нудил и стонал, что он так невыносимо долго ехал на поезде и можно было 10 раз на автобусе за это время оказаться на вокзале.

– Надо будет обязательно, купить для мамы булочек с корицей, в кулинарии возле дома, обнять и извиниться за прошлого сынульку «мудака и козла», – строил я планы.

Заодно мечтал удивить отца:

– Его обязательно должен порадовать мой новый спортивный образ, надеюсь в армию сразу не отправит, – размышлял, глядя в окно автобуса на залитые солнцем улицы родного Екатеринбурга.

Стоя перед полками с выпечкой, полез за бумажником и обнаружил аккуратно пристроенный в карман куртки конверт с надписью «на доброе дело», целую пачку тысячных купюр.

– Ну Кузьмины!

Теперь ощущение от сделанного, бескорыстно, доброго дела немного померкло.

– Ладно, я просил и даже уговаривал, но они так сами захотели, – решил я, а заодно мысленно прикинул, что деньги сейчас для меня точно не лишние.

Завтра же стоит заняться разнузданным шмотингом:

– В институт пойду весь в новом, мне ещё со своей будущей девушкой познакомиться надо как-то и этих денег на все хотелки явно не хватит.

За лето я вырос на 15 сантиметров, плечи раздались в ширь и всё остальное то же, спортивного телосложения молодой человек получился, точно не доходяга.

Теперь стоя в дверях кухни, это пыталась уложить в своей голове и моя мама.

Мы вообще впервые так на долго расстались, раньше за лето она старалась пару раз приехать в Егоровку навестить меня и своих родителей.

– Ну вот мама, прошляпила, а сын то подросток, давай проходи я чайник уже вскипятил.

По-хозяйски, наверно впервые самостоятельно, собирался поухаживать за мамой:

– А где папа? – спросил я, наливая кипяток в заварочный чайник.

Мама устало приземлилась на стул возле стола:

– Папа умер, я не хотела тебя лишний раз волновать.

– Всё от нервов этих треклятых..., – сказала мама и её глаза намокли.

Вот так радость встречи, настроение от сделанного сюрприза стремительно понеслось в бездонную пропасть. Отец так и не сможет узнать, каким я стал и вообще вдруг из меня на самом деле получится хороший человек. Никогда бы себе не сознался, что хотел ему это доказать.

– А почему мне не сообщили? – спросил я.

Глядя в кружку на темнеющую от заварки воду, мама уже спокойно, наверно выплакав и отгоревав всё, что можно:

– Мы с тобой в июне потому и не поехали, с деньгами очень сложно стало. У Вити весь отдел сократили, ещё перед «майскими» ..., он молчал другую работу хотел найти, а ты как в деревню уехал он мне и рассказал. Видать не справились сердце, вечно он в себе таскал всё. Сказал бы раньше, так может и жив сейчас был, нешто мы не придумали, как жить. Вчера на 40 дней друзья его помянуть собирались, – рассказала мама.

Если бы я был тут, смог бы помочь? Я и сейчас то всего не знаю, а что было тогда, полтора месяца назад? Принялся наверно рыдать, винить всех в своих бедах и несчастной жизни, добавляя проблем...

– Досталось же маме с нами. Но сейчас я её в обиду не дам, обязательно что ни будь придумаю, работать пойду, – дал себе зарок.

Так и остались мы с ней теперь вдвоём.

Пятьдесят тысяч решил сразу оставить маме на хозяйство, вещи и на рынке можно купить.

План на ближайшую жизнь был такой:

- Отнести оригиналы вступительных документов в УПИ.
- Найти секцию старого друга Игоря Тимофеевича, для дальнейшего освоения мира единоборств.
- Съездить на вещевой рынок «Таганский ряд».

Так и записал в тетрадь, хотел ещё даты выполнения про-ставить, но потом решил, что всё можно за пару дней сделать.

– А чего это я откладываю? Кроссовки, толстовку и там по мелочи прямо сейчас через Интернет куплю.

Залез в комп и завис на анатомическом атласе человека, всё-таки я пока многого не понимаю, просто убираю какие-то непонятные узелки и разглаживаю красные полосы, а там же ещё бактерии и вирусы, железы, гормоны. Стыдно стало от самоуверенности, с которой я пообещал Зое из поезда, что выздоровела она полностью. Хронические заболе-

вания на то и хронические потому, что не лечатся, а я тут режим бога включил.

– Не надо вам ингалятор, куда лезу? – сокрушался я.

– Хотя я там вроде как бы, пространно выразился. Ну сходят к врачу он им обследования назначит, вот пусть серьёзная медицина решает, как правильно делать.

Жаль конечно, что разрядился на самом деле в ноль, сейчас бы маму полечить не мешало. Накоплю энергию она у меня ещё о-го-го какой красоткой станет, помолодеет и вообще никогда болеть не будет.

День 60

Сегодня опять приснился страшный дед, сидел на деревянном стуле в землянке и очень сильно злился на меня:

– Мальчишка, ты зачем уехал от места силы? Я хочу знания тебе передать, меня слушать надо, – очень правдоподобно для сновидения, кричал и брызгал слюной старик.

Это если вкратце, а так он много и не всегда понятно выражаясь бормотал и похоже угрожал.

Не выспался, утром на автомате натянул кроссовки и в парк отправился побегать. Музыка в наушниках и ветер в лицо освободили мозги от дурного осадка после кошмарной ночи.

Пока бегал, мысли свернули в сторону планов на будущее:

– Вот придёт сентябрь начнётся учёба, хорошо если на бюджет возьмут, так ещё и на жизнь денег надо, маминой зарплаты на всё не хватит. Надо скорее придумать, как день-

ги зарабатывать и при этом ещё успевать учиться.

– Интересно куда поступила Лычагина?

Так вышло, что со всеми одноклассниками у меня дружба не сложилась, а с этой Леной я за все 11 лет кроме как об учёбе и не говорил, пялился исподтишка на колени и шею, особенно когда она отворачивалась и в тайне мечтал поцеловать её в эту самую шею, где-то в районе серёжек.

Вот бы встретить её случайно:

– Занимаюсь я такой на спортивной площадке, с голым торсом, вспотевший, а Ленка идёт мимо, смотрит восхищённо и узнает в атлетичном парне, меня своего одноклассника, тогда мы обязательно разговоримся и начнём дружить по-настоящему, – мечтал я, продолжая подтягиваться.

Мама оставила на кухне готовый завтрак и уехала на работу. Думаю, она серьёзно в шоке, чтобы её болезненное чадо начало день с пробежки. Хотя ей так доставалось от жизни, в последнее время, что она скорее всего перестала реагировать на изменения.

– Не война и ладно.

Умяв стопку блинчиков с малиновым вареньем, твердо собрался выполнять всё задуманное сразу. Папку с документами для поступления в институт, деньги, отложенные на шмотки, всё бережно пристроил в рюкзак.

– Не понимаю, почему начал не с вуза?

Наверно любой психолог скажет, что я искал повод отложить главное решение в жизни, чуть-чуть на попозже.

Короче сейчас я ищу подвал Виктора Сергеевича Конева по наводке Игоря Тимофеевича. Мой тренер из Егоровки написал адрес так:

– Пойдёшь по Вишнёвой улице, там магазин винный прямо рядом с остановкой, весь красный такой, не промахнёшься, за ним два трёхэтажных дома и в арку направо, там увидишь вход в подвал или спроси у пацанов местных, все должны знать Витькину секцию, – объяснял тренер.

Подвал я всё-таки нашёл, хоть и винный теперь не тот, а просто сетевой продуктовый магазин. Спортзал находился в обычном таком бывшем бомбоубежище под «сталинкой». Надпись масляной краской на массивной двери гласила, – «Спортивное общество Вымпел», ответственный за противопожарное состояние Конев В. С. и большой амбарный замок.

– Хоть бы телефон написали, – успел я подумать, как сверху послышались шаги.

По ступенькам спускался, невысокий, поджарый дедушка.

– А вы, молодой человек по какому вопросу?

– Мы площади в аренду не сдаем, – сказал он.

Ну не мог я подумать, что этого, интеллигентного вида дедушку мой тренер называл Витькой.

Потому и спросил:

– Подскажите пожалуйста, где мне тренера Конева найти?

Дедушка подошёл к пожарному стенду и вытащил из-за него большой ключ, под стать тому замку, что запирали дверь.

– Ну мил человек я Конев, чего хотел? – сказал он, отодвигая тяжеленную гермодверь.

Не удобно вышло.

Я шёл следом за Виктором Сергеевичем пока он углублялся в темноту убежища и включал свет в каждом помещении. По пути начал рассказывать про Игоря Тимофеевича из Егоровки, как он посоветовал дальше тренировки продолжать. Я и сам понимал, что в настоящие спортивные клубы мне уже поздно. Вот такой сумбурной тирадой пришлось пояснить почему я именно тут оказался.

– Проходи садись, как говоришь тебя звать парень? – сказал тренер, когда мы оказались в маленькой коморке с письменным столом.

– Александр Викторович Богданов, – представился я, помогая тренеру с чайником и кружками.

«Подвал» у него шикарный слов нет, вот только из наполнения не густо, боксёрские груши, борцовский мат с рингом, турники на шведской стенке и немного разного железа для силовой, от части кустарного производства, остальные помещения бомбоубежища пустовали.

Пока Виктор Сергеич заваривал в два стакана чай, я охотно выкладывал про наше знакомство с Тимофеевичем, мой неожиданно возникший интерес к спорту, готовность работать в зале без усталости и жалости к себе, удалось без мистического обойтись.

Конев по крайней мере делал вид, что с интересом слу-

шает.

– Пьёт всё?

– Ну и как у Игоря Тимофеевича в целом дела? – неожиданно перебил меня вопросами тренер.

Вот тут удалось мне Виктора Сергеевича порадовать, что его друг уже половину лета в полной завязке, по неустановленной причине. Стал гораздо лучше выглядеть и даже собирается съехаться с хорошей женщиной.

Проболтали долго, выпив не одну кружку, пока чай пил разглядывал тренера. Ему скорее всего за 70 лет, военная выправка и при этом двигается очень мягко и явно не по возрасту. Пытался его рассмотреть своим особым зрением, но сейчас чёта совсем не работало.

Еще в самый разгар чаепития в зал начали приходить мальчишки, самостоятельно разминались, работали с грушей и, судя по всему, я был тут самым старшим, не считая тренера.

На мой вопросительный взгляд:

– У них сегодня нет тренировки, мальчишки так просто, для себя..., оно и хорошо, а то дурным бы занялись, – пояснил Конев.

Договорились, что буду скидываться раз в месяц на зал 1000 р., а приходить могу хоть каждый день. За разговорами все дела, спланированные на сегодня, остались не решёнными.

Завтра суббота, теперь поход в институт откладывался до

понедельника.

День 61

Мама затеяла большую уборку, комплекс вины оболтуса, долгие годы изводившего родную семью, заставил меня подключиться к протиранию пыли и пылесосу со всем неистовым рвением, до остального меня пока не допустили.

– Кажется, что я видел, как мама старается скрыть улыбку?

Стало тепло на сердце и чуть больше стыдно. Проявив недюжее рвение в наведении порядка, выкинул на помойку горы не нужного хлама из своей комнаты, накопившегося за годы. Сам удивился некоторым находкам.

День 62

На рынок я удачно сгонял уже утром в воскресенье, спортивный костюм, джинсы и тёплая куртка, вымотали меня, как будто я не гулял и примеривал, а вагоны разгружал. Ещё и навязчивый сервис рыночных продавцов..., они больше пугали и заставляли ускориться. Искренне порадовался, что больше мне сюда не надо, по крайней мере в ближайшей перспективе.

– Кстати пора задуматься о заработке, может на самом деле грузчиком устроиться в гастроном, а чего силы то немерено, пока не подыщу что-то интересней?

Навалившуюся от шопинга усталость удалось снять только в спортзале.

Виктор Сергеевич устроил мне большую тренировку, он

не слабо меня погонял проверяя, чего мы там в своей деревне из меня с Тимофеечем натренировали. Вечером еле живой и счастливый пришёл домой, мама спала, как наш дед, перед работающим телевизором. Я подкрался и принялся рассматривать её своим, пока ещё не совсем понятным для меня, особым зрением.

– В общем ничего страшного, есть желтоватые линии и немногочисленные чёрные узелки, – прикидывал я фронт предстоящей работы.

Вижу хорошо, даже сквозь одежду, вот только, что за напасть, узелки словно прилипли и перестали мне подчиняться, не смахнуть не разгладить. После лечения той девочки в поезде похоже на самом деле сильно выдохся и сколько теперь восстанавливаться?

– Ладно потерпим, время есть, всё сделаю, – подумал я.

До института буду усиленно спортом заниматься, испытывая свои возможности, тем более что пока прёт, а там может через месяцок всё и восстановится или накопится. Сразу тогда за маму возьмусь.

Глава 2.2 Магазин

День 63

Уже давно наобещав себе и дневнику, твёрдой поступью отправился подавать документы.

Сегодня институтская канцелярия по каким-то причинам не работала, и я с чистой совестью помчался тренироваться на Вишнёвую. Слава богу, что хоть особенности организма, отвечавшие за ускоренное восстановление, работали без сбоя. Конев не раз уже спрашивал, что я принимаю и явно не доверял моим рассказам о правильном питании, запасах растущего организма и непоколебимой воле к победе:

– Сашка, ты как знаешь, парень уже большой и шибко умный, но пить всякую химию не советую..., – уже несколько раз говорил тренер.

Особо воодушевлённый тем, что сегодня бумажные дела отложились не по моей вине, пахал в зале на полную, перетягал всё железо, неоднократно избил манекен с грушей. Мальчишки постарше, устали держать мне лапы и улучив момент тихо свалили. Я продолжал искать себе новые упражнения не замечая, как течёт время.

Под вечер, в опустевший подвал, пришли два крепких парня, судя по повадкам и выправке военные, ребята по-хозяйски прошли в раздевалку и сразу бросилось в глаза с каким уважением они обращались к тренеру.

– Сашка, хватит мешку делать больно, иди давай к нам. Вот познакомься Анатолий и Михаил, мои ученики, – с особой гордостью представил Конев своих гостей.

– Давай готовься и в ринг на спарринг, – сказал мой тренер.

Сегодня впервые у меня были настоящие соперники, умеющие и знающие, как и куда надо бить. Огрёб от них неоднократно, качественно и по полной, был этому несказанно рад.

Домой шёл, еле волоча ногами, шурша тополиной листвой, обильно завалившей парковую дорожку, в голове зрел коварный план реванша, непременно дать хороший бой этим воякам в следующий раз.

Я ведь даже не знал точно, как спорт наш называется. Виктор Сергеевич обучал эффективным, но не эффектным приёмам из разных видов единоборств. Толик меня больше бил ногами и руками, а Миша старался перевести бой в партер и непременно задушить. Спаррингуя, отметил, что меня они не силой переигрывали, а скоростью перехода от приёма к приёму и их связками. Парни на ходу меняли варианты атаки, много обманных движений, возили меня носом по татами раз за разом.

– Ничего, зато я выносливей и меня сложно пробить, – прикидывал я, какие у меня есть преимущества перед этими спецами, – мы еще постоим за славный Екатеринбург.

У дома, прямо возле подъезда стоял «Крузак» соседа, а сам он сильно матерился по телефону и обещал какому-то

невидимому Пашке оторвать, плохо управляемый детородный орган.

Проходя мимо из вежливости, пробормотал:

– Лев Борисович здравствуйте.

В след услышал:

– Сашка погодь, можешь выручить? – У меня охранник в магазине не пришёл сегодня. – Ночь отдежуришь утром поменяю, плачу косарь – выпалил сосед.

В принципе, мне же надо было на работу устроиться. Так что я «ничтоже сумняшеся», согласился.

– Хорошо домой только заскочу, маму предупрежу и перекусить с собой чего ни будь возьму, минут тридцать хватит – сказал я и ускорился.

Дома, пока моя родительница не успела сообразить, покидал в рюкзак всё, что счёл подходящим, переоделся и выскочил.

Уже в дверях выпалил:

– Мам не теряй, я на работу, буду утром.

Магазин «Мастерок» оказался в новостройках, ещё мало заселённом квартале домов, почти на самой окраине города, предстояло провести ночь среди инструментов и строительных материалов.

Лев Борисович выдал униформу охранника и напутствовал бдеть:

– Смотри Санька, чтоб гастарбайтеры тебя вместе с шурупвертами не утащили, закройся тут, утром тебя сам открою.

Я ещё раз позвонил маме и успокоил, что мне в полностью закрытом магазине только поспать придётся, а утром я приеду и обязательно пойду в институт относить документы. Маму сложно было просто так убедить. Она собиралась немедленно приехать и подежурить со мной или вместо меня. К своему стыду, пришлось давить на то, что родная мать своего сына за мужчину совсем не считает, а сама столько раз говорила, что я у неё теперь вон какой взрослый богатырь стал. С горем пополам и через полчаса уговоров, мне всё-таки доверили некоторую самостоятельность.

Наконец оказавшись полностью предоставленным самому себе, принялся осматриваться на предмет организации спального места из подручных материалов. Кроме четырёх рулонов утеплителя, из минваты, ничего мягкого в магазине не было. Усталость, накопившаяся за целый день тренировок готова, была срубить меня в сон прямо на голом полу. И вот пока я мостился на крайне неудобной кровати, заработал перфоратор, видать те самые гастарбайтеры трудились ударными темпами, пользуясь не заселённостью дома.

Немного поматерившись на строителей я продолжил устраиваться на рулонах. Через несколько минут всё опять затихло и мои веки с хлопком закрылись.

– Крик!

Настоящий, полный боли и страха, разорвал гробовую тишину пустой многоэтажки. Кричал ребёнок, или девушка – это было где-то в самом доме, прямо над магазином. Дверь

магазинного склада закрывалась изнутри на засов, через неё я выскочил во двор многоэтажки и оказался рядом с подъездом, из которого доносился шум.

Рывком выдрал подъездную дверь из магнитного захвата и помчался вверх по лестнице перепрыгивая ступени, в глазах ненадолго мелькнули контуры двух тел. Не успев осознать, что мне удалось разглядеть – это сквозь толщу бетона, добрался на третий этаж.

Тут столкнулся с жуткой, до нереальности, картиной.

Прямо на лестничной площадке распятое и пришпиленное к стене небольшое обнажённое тело, уже потерявшее сознание и безвольно повисшее на креплении, а возле него мужик средних лет в больших роговых очках, увлечённо орудует пассатижами во рту жертвы.

– Стереотипный школьный учитель физики.

Садист от неожиданности моего появления так и застыл, глядя на меня сквозь свои очки и не выпуская из рук инструмент.

Сильный удар в голову сложил тварь сломанной куклой у дальней двери. От ужаса и вида открывшейся картины меня пробрало и ещё долго сотрясало пока я выкручивал дюбеля из стены, рук и ног школьника.

Парень был ещё жив, без сознания, но вот его раны выглядели чудовищно, поломанные кости, разодранная кожа и мышцы, выдранные передние зубы заливали кровью рот и вообще от обилия этой самой крови пол вокруг был липким.

Честно говоря, от шока я на какое-то время сильно потерялся.

– Что дальше надо делать?

– Вызывать полицию, вот только этого маньяка сильно ударил, а если убил?

Хрен его знает с нашими законами, как потом получится, пришьют превышение... и вместо института мне светит тюрьма.

Мальчик дышал, и я решил узнать жив ли маньяк.

После вида изуродованного тела подростка ненависть, к твари в облике человека, как будто сама набирала понемногу обороты в глубине моего сознания.

Если короче, то, когда подходил к нему проверить состояние, мои руки сами потянули из него одну за другой красные нити, а я их всё наматывал и наматывал прямо на себя. Словно недостойна эта мразь носить в себе мои любимые «Линии жизни». Когда понял, что делаю на полу уже лежало высушенное тело до состояния воблы.

Я судорожно соображал:

– Только что сам совершил настоящее убийство, зато количество красных нитей во мне удвоилось, опьяняя новой энергией и силой.

Пошатываясь и не совсем адекватно воспринимая реальность, пошёл к мальчику, взял за тонкую кисть и нить из меня потекла к нему. Прямо на моих глазах его кости срослись, закрылись раны на коже, в раскрытом рту показались кончи-

ки растущих зубов.

Обессиленный и довольный опустил рядом:

– Кажется я всё исправил!

Радовался не долго:

– А вот сейчас точно нарисовалась проблема, как я всё объясню, что тут произошло ментам? – подумал я, уже чуток волнуясь.

Пришлось долго оттирать влажными салфетками лицо, шею и грудь жертвы от запекшейся крови. В пакете рядом обнаружилась аккуратно сложенная одежда мальчика. Я бережно натянул на него штаны и рубашку, затем вынес бессознательное тело ребёнка на лавочку посреди двора. Потом вернулся и сложил в большой мусорный пакет инструменты, почти невесомого самого маньяка в виде сушёной куклы-мумии.

– Пусть теперь покоится в контейнере, завтра его погребут на свалке в куче строительного мусора, туда этой мрази и дорога, – решил я.

Жалко стало только перфоратор, потому и бросил его рядом с мусоркой, думаю ему не долго там валяться.

Всю оставшуюся ночь я, разумеется, не уснул, сначала через окно почти час наблюдал за пацаном на лавочке. Похоже мальчишка, потеряв сознание лишился и некоторой части воспоминаний, очнувшись он больше был удивлён обстановкой вокруг. Позвонил куда-то и руки в брюки побрёл прочь из района.

А меня адреналиновый откат заставил бодрствовать и встретить рассвет в размышлениях, что надо делать и говорить, если завтра ко мне придут следователи. Я почему-то был твёрдо уверен, что лишь на короткое время отсрочил встречу с представителями власти и не до конца понимал, посчитают они меня виноватым или нет.

Утром Лев Борисович не приехал, в 11 пришла девушка, открывшая своим ключом парадную дверь магазина. Выглядела она наверно чуть постарше меня, сильно накрашена с татушками и кучей пирсинга во всевозможных местах.

– О нихренасе, ты чё вместо Пашки? – сказала с порога неформалка.

Кокетничать и объясняться с ней не было настроения:

– Лев Борисович вчера привёз, – буркнул я, молча собрал свои вещи и отправился на автобус.

Сосед, сославшись на неожиданно навалившуюся страшную занятость, просто перевёл мне деньги по номеру телефона.

– В институт я сегодня похоже не попаду, – уже смирившись из-за бессонной ночи, решил я.

Переживания дали о себе знать, только коснулась моя голова родную подушку сразу ушёл в мир грёз для просмотра серии кошмаров и проспал почти до обеда. Машинально проглотил, даже не разогревая, всё приготовленное мамой и отправился в «подвальчик» на тренировку, залечивать душевные раны.

Опять повезло Анатолий и Михаил пришли в зал, а из меня энергия сегодня просто прёт через край. Парни вывозили на опыте, против неутомимого бойца с мистически-энергетическим допингом, а ещё мне удалось запомнить некоторые из приёмов, которыми меня на кануне окучивали, явно в их глазах мне удалось чуток приподняться.

Переодеваясь, обнаружил три пропущенных звонка от Борисыча.

Пока махал кулаками вроде умудрился выкинуть из головы ужасы прошлой ночи, а теперь опять принялся рефлексировать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.